

ГЛАВА VIII.

Красота мѣстоположенія. Неисправность „Новороссійскаго календаря“. Базарь. Сцены. Евреи. Отношенія ихъ къ туземцамъ. Проводникъ. Аріанешты. Памятникъ Жолѣвскому. Кременчугъ. Бесѣда у корчмы. Косоуцы. Лоцманъ. Порогъ. Встрѣча съ евреемъ.

Кто путешествуетъ по Днѣстру, начиная отъ верховьевъ до лимана, тому нельзя не восхищаться красотой мѣстоположенія, а, встрѣчая поминутно то великолѣпные, то дикіе и угрюмые пейзажи, чрезвычайно трудно отрѣшиться отъ желанія передать читателямъ свои впечатлѣнія. И вотъ, сообщая и приводя въ порядокъ свои путевыя замѣтки, съ грустью видишь, какъ все это однообразно, и выпускаешь цѣлыя страницы, которыя могли бы быть интересны въ отдѣльной статьѣ, но отъ частаго повторенія которыхъ на читателя легко можетъ напасть скука, и онъ вправѣ заподозрить автора въ угощеніи одними общими мѣстами. Что касается лично меня, то въ продолженіе долговременнаго путешествія по днѣстровскимъ побережьямъ я съ особеннымъ удовольствіемъ любовался живописными видами и не знаю, почему они казались мнѣ всегда новыми и разнообразными, хотя вездѣ тотъ же лѣсъ, тѣ же скалы, тѣ же разбросянныя въ безпорядкѣ деревни. Не оттого ли красоты природы дѣйствовали такъ успокоительно на мою душу, что быть народа не представлялъ ничего отраднаго и что, всматриваясь глубже въ жизнь добродушнаго племени, которое, населяя плодородную страну, терпитъ недостатки и нужду по своей общественной обстановкѣ—идешь, бывало, въ окрестность забыться подъ ропотъ волны, подъ шумъ уединеннаго лѣса. Но читателю нѣтъ дѣла до личныхъ впечатлѣній путешественника; ему нужны не описанія природы, къ которымъ, впрочемъ, туристы часто прибѣгаютъ для наполненія страницъ, а подавай картины быта со всѣми подробностями, да и эти подробности укладывай такъ, чтобъ онѣ не лишены были занимательности. Не знаю—многимъ ли

изъ читателей приходитъ на мысль, во первыхъ, какое разнообразіе представляютъ села и деревни въ нашемъ отечествѣ, а, во вторыхъ, и то обстоятельство—сколько иногда занимательныхъ вещей приходится опускать, когда дѣло коснется фактовъ, хоть и совершающихся, но не такъ, какъ имъ слѣдовало бы совершаться. Есть, конечно, уловка для приданія разнообразія какому угодно путешествію — это присочинить малую толику, но я никогда не прибѣгалъ къ подобнаго рода ресурсамъ и лучше считаю прослыть скучнымъ рассказчикомъ, нежели описывать небывалыя вещи въ надеждѣ, что никто не пойдетъ меня контролировать по глухимъ отдаленнымъ захолустьямъ.

Блуждая по Новороссійскому краю и Бессарабіи, я постоянно справлялся съ »Новороссійскимъ календаремъ«, въ которомъ постоянно, каждый годъ, помѣщаются свѣдѣнія о мѣстностяхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ въ древности. Конечно, свѣдѣнія эти не отличаются полнотою, однако все же они знакомятъ путешественниковъ съ исторіей края и даютъ возможность взглянуть своими глазами на какой нибудь памятникъ старины, который легко можетъ быть пропущенъ при разѣздахъ, тѣмъ болѣе, что мѣстные жители не всегда сообщаютъ о существованіи вблизи, положимъ, какого нибудь камня, для нихъ совершенно неинтереснаго. Пробѣгая еще въ Атакахъ повременный календарь, я увидѣлъ, что на половинѣ пути оттуда къ Сорокамъ, не вдалекѣ отъ большой дороги, стоитъ памятникъ Жолкѣвскому, погибшему подъ Цецорой въ сраженіи съ турками, въ 1620 году.

Жолкѣвскаго я зналъ по исторіи, но никогда мнѣ не приходилось прежде слышать, что соотечественники поставили ему памятникъ, и потому, хоть я и не слѣдовалъ на почтовыхъ, но рѣшился, кочуя по береговымъ селеніямъ, не пропустить случая взглянуть на уединенный монументъ въ полѣ, еслибы мнѣ пришлось сдѣлать хорошую прогулку пѣшкомъ, такъ какъ у меня было вдоволь свободнаго времени. Со мной было нѣсколько польскихъ сочиненій, относящихся и къ этой мѣстности, и этой эпохѣ, и я предположилъ на первомъ же ночлегѣ отъ Атакъ приготовить себя чтеніемъ для знакомства съ личностью гетмана и съ исторіею битвы, стоившей ему жизни на поляхъ Цецоры. Такимъ образомъ, имѣя хоть что нибудь въ виду на другой день и потомъ рассчитывая посмотреть днѣстровскіе пороги и царство табака въ окрестностяхъ города Сорокъ, я безъ сожалѣнія покинулъ Атаки

и, отправивъ свои вещи на обывательскихъ въ с. Аріанешты, за двѣнадцать верстъ, самъ съ ружьемъ за плечами и съ маленькимъ проводникомъ пустился по образу пѣшаго хожденія береговой дорогой надъ Днѣстромъ, обѣщая себѣ отличную прогулку и великолѣпный аппетитъ, который не могъ не явиться ко мнѣ послѣ такого моціона.

Было часовъ шесть утра, когда я вышелъ изъ своей кватирры и, по случаю базарнаго дня, принужденъ былъ съ трудомъ пробираться сквозь толпы поселянъ, загроздившихъ дорогу по нижней улицѣ своими повозками. Вокругъ суетилось вдвое большее количество евреевъ, мѣстныхъ и могилевскихъ, которые считаютъ обязанностью пересмотрѣть всѣ деревенскія произведенія, иному совершенно ненужныя, а такъ, собственно изъ любви къ искусству. Есть, впрочемъ, евреи, которые покупаютъ все, что подвертывается подъ руку, особенно не усвоившіе еще спеціальной торговли, но почувствовавшіе силы и возможность нажать копѣйку. Такой еврей обыкновенно захвативъ съ собою весь свой наличный капиталъ, идетъ или ѣдетъ за нѣсколько верстъ на базаръ безъ всякой определенной цѣли, строя цѣлую дорогу воздушные замки. Отправляется онъ до разсвѣта, торопясь предупредить собратовъ-спекулянтовъ, разумѣется, во всеоружіи уловокъ и приемовъ самаго хитраго надувательства. И зрѣніе, и слухъ, и обоняніе развиты у него въ высшей степени, такъ что онъ еще издали узнаетъ — съ какимъ продуктомъ ѣдетъ крестьянинъ, и между тѣмъ ловить вокругъ отдѣльныя фразы другихъ евреевъ, извлекая изъ послѣднихъ свою пользу. Нѣсколько спекулянтовъ не успѣютъ еще сдѣлать стачку относительно цѣны того или другаго предмета — а уже ловкій спекулянтъ юркнулъ въ какойнибудь переулокъ, забѣжалъ впередъ, овладѣлъ извѣстнымъ продуктомъ и получаетъ барышъ со своихъ же собратовъ. Покупаетъ онъ, положимъ, кукурузу, но, замѣтивъ, что къ базару подъѣзжаетъ возъ, на которомъ лежитъ нѣсколько паръ куръ, онъ, не окончивъ спора, суетъ продавцу кукурузы какойнибудь двугривенный въ задатокъ, а самъ въ три прыжка появляется возлѣ вновь приѣзжей крестьянки и съ видомъ знатока щупаетъ куръ и входитъ въ переговоры. Въ это время, ругаясь страшнымъ образомъ, молдаванинъ проводитъ мимо упрямую корову, которая, упираясь, машетъ хвостомъ и головой, и уже два еврея заинтересованы ея покупкой. Спекулянтъ живо даетъ гривенникъ задатка владѣлицѣ куръ и вступаетъ въ конкуренцію, рассчитывая или при-

обрѣсть корову, или сорвать со своихъ отступнаго, какъ дѣлывали въ прежнее блаженное время откупщики на торгахъ, разумѣется, въ гораздо большемъ размѣрѣ. Честность крестьянъ служить ему гарантіей, во первыхъ, въ цѣлости его задатка, а, во вторыхъ, и въ томъ, что ни кукуруза, ни куры не уйдутъ отъ его рукъ, потому что добродушный молдаванинъ или руснакъ, получившій задатокъ, считаетъ безчестнымъ сдѣлку съ другими покупателями. Между тѣмъ, пока спекулянтъ выдѣлываетъ свои штуки, первоначальный жаръ коммерціи охлаждѣваетъ, евреи мигомъ накупили порядочное количество разныхъ продуктовъ. Тогда, зная очень хорошо топографію базара, спекулянтъ обходитъ возы, гдѣ онъ оставилъ задатки. Но, вы думаете, онъ платитъ деньги, беретъ товаръ, — и дѣло съ концомъ? Нисколько. Онъ преспокойно начинаетъ торговаться и непременно еще выжметъ нѣсколько копѣекъ. Напрасны представленія крестьянина, что они уже сошлись въ цѣнѣ — еврей ничего слышать не хочетъ, онъ преспокойно отговаривается тѣмъ, что не разслышалъ, поспѣвая къ другому возу. Продавецъ ругается, а между тѣмъ онъ упустилъ уже выгодныхъ покупателей, и такимъ образомъ спекулянту достается товаръ по выгодной цѣнѣ, за который онъ непременно получить порядочные барыши. Хотя для меня и не были новы подобныя сцены, однако я любилъ толкаться по базарамъ, гдѣ легче всего изучаются нравы и обычаи. Меня всегда занимало и то еще обстоятельство, что по губерніямъ, въ которыхъ разрѣшено жить евреямъ и гдѣ, разумѣется, вся торговля находится въ рукахъ послѣднихъ, поселяне, имѣя столько случаевъ столкновеній съ евреями, не учатся въ свою очередь разнымъ продѣлкамъ и сохраняютъ невозмутимую честность. И руснакъ, и молдаванинъ очень хорошо знаютъ, что ихъ обмѣриваютъ, обвѣшиваютъ и обсчитываютъ. Положимъ, имъ извѣстно, что, кромѣ евреевъ, нѣтъ покупателей на ихъ произведенія; положимъ, бѣдняки остерегаются по возможности плутней, а между тѣмъ не было еще или, по крайней мѣрѣ, не попадалось мнѣ случаевъ, гдѣ поселянинъ старался бы не исполнить самаго тягостнаго для себя условія, иногда вынужденнаго горькой необходимостью. При выходѣ изъ мѣстечка я натолкнулся на сцену, которая подкрѣпляетъ мысль, только что высказанную. У крайняго дома, гдѣ мнѣ нужно было поворачивать налѣво, стояла повозка, запряженная тощей дрянной лошадежкой, на которой сидѣлъ бѣдно одѣтый крестьянинъ съ лѣ-

ваго берега и, потупивъ глаза, помахиваль кнутикомъ, лаконически отвѣчая высокому еврею, который, облокотясь о повозку, истощаль передъ нимъ краснорѣчіе. Я сѣлъ тутъ же, на камнѣ, и закурилъ папиросу.

— Ты-жъ мнѣ виновать (долженъ)? спрашиваль ояъ.

— А виновать.

— И повиненъ отдать?

— А повиненъ: я не беру безъ отдачи.

— Ты сказалъ: »умолочу пшеницы и привезу«.

— Та я же такъ и сдѣлалъ.

— Нѣтъ, Омелько (Емельянъ), не такъ дѣлають честные люди.

— Не знаю.

— А я знаю. Тебѣ нужны были гроши (деньги). Такъ?

— А уже-жъ нужны.

— Ну, ты пришелъ ко мнѣ?

— Пришелъ.

— И говоришь: »Лейба, позычь мнѣ два кербеля!« Такъ?

— Такъ.

— А я что говорю?

— Ну, ты сказалъ: »дай заставу (закладъ)«.

— Ага, помнишь. А что ты сказалъ на это?

— Что я сказалъ? Говорилъ: нѣтъ заставы.

— А! Ну!

— И больше ничего.

— Неправда, Омелько, Богъ покараетъ за неправду. Ты говорилъ: »Лейба, поратуй, спаси—меня тянуть за подушное«.

— И, правда, меня тянули...

— Видишь! Ну, я и говорю: не дамъ. А ты говоришь: »я смолочу пшеницы и привезу«.

— Что-жъ, сказалъ.

— А я пожалѣлъ тебя, зная твою нужду, и сторговался за пудъ...

— Тогда была такая цѣна.

— Ты опять за свое.

— Какой ты чудакъ, Лейба, подумай — какъ вздорожала пшеница...

— Мнѣ дѣла нѣтъ. Я тебѣ даваль деньги.

— Я и отдамъ.

— Отдашь. А еслибъ я не вызволилъ, что было бы съ тобою?..

— Отвяжись ты отъ меня...

— Ну, теперь и отвязись! Развѣ деньги полова? И развѣ такъ дѣлають честные люди?

— Какъ?

— Да такъ. Обѣщаль смолотить пшеницу и привезти.

— Я и привезъ.

— Да, только не въ Могилевъ, а въ Атаки. Нѣтъ, знать, Омелько, Богъ тебя накажетъ.

— Да ты подумай — почему мы сторговались и почему теперь... я лучше дамъ тебѣ камату (процентъ)...

— А какую ты дашь камату? спросилъ еврей, и глаза его заблестали.

— Дамъ два злота...

— Бога ты не боишься — два злота за три мѣсяца! Да знаешь ли ты, что я нажилъ бы уже рубль на рубль за это время. Видишь, съ чѣмъ подѣхаль! Это у васъ такъ дѣлають по христіански.

— Да развѣ же я отказываюсь отъ долга...

— А вспомни, какъ ты божился, а?..

Омелько видимо смѣшался и перемѣнилъ тонъ.

— Эхъ, Лейба, да вѣдь и тебѣ грѣхъ обижать меня.

— Я тебя не обижаю, а ты подай мою пшеницу...

— Вѣдь я заработалъ бы себѣ на сапоги, а то видишь — переды каши просятъ.

И Омелько протянулъ ногу, которая дѣйствительно была обута въ какіе-то обноски.

— Ну, слушай, я человѣкъ — не собака: я тебѣ поставлю око доброй горѣлки, мнѣ Шмуль по знакомству отпустить.

Омелько почесался въ затылкѣ.

— А тамъ и въ другой разъ придется до крута, продолжалъ еврей: — куда же ударись съ просьбой, какъ не къ Лейбѣ...

— Оно такъ, да что дома скажутъ...

— А дома какое дѣло?

— Нѣтъ соли ни крошки.

— Я тебѣ позычу четвертку (четверть пуда). Послушай, Омелько, будь честнымъ человѣкомъ!

И, вѣроятно замѣтивъ на лицѣ своего собесѣдника готовность исполнить вынужденное обѣщаніе, Лейба схватилъ за узду лошаденку и уже поворачивалъ ее. Омелько слабо сопротивлялся. Въ это время подошли два еврея, издали наблюдавшіе эту сцену, но Лейба энергически закричалъ на нихъ и быстро повлекъ жертву свою къ переправѣ.

Занятый предшествовавшим разговоромъ, я и не замѣтилъ, что проводникъ мой отлучился, и, когда я всталъ съ камня, намѣреваясь отправиться въ путь, мальчуганъ мой бѣжалъ вдали по улицѣ, поминутно оглядываясь. Народъ не обращалъ на это вниманія, но скоро по слѣдамъ моего проводника показались два или три мальчика съ ужасными криками и близстоявшіе евреи начали тревожно осматриваться. Проводникъ добѣжалъ прямо ко мнѣ и остановился, едва переводя духъ. Не успѣлъ я спросить его о причинѣ отлучки, какъ явились еврейскіе мальчики въ сопровожденіи нѣсколькихъ взрослыхъ своихъ единоплеменниковъ, изъ которыхъ у одного въ рукахъ была порядочная хворостина. Изъ бѣглого разговора по молдавски я ничего не могъ понять и потому просилъ еврея постарше разъяснить мнѣ дѣло на языкѣ русскомъ или польскомъ. Оказалось, что проводникъ, пользуясь моимъ отдыхомъ, побѣжалъ недалеко купить себѣ какого-то лакомства и, какъ говорить онъ, нашелъ на дорогѣ, а по словамъ еврейскихъ мальчиковъ отнял у одного изъ нихъ, три копѣйки. Вслѣдствіе этого произошла ссора, окончившаяся дракою, изъ которой молдаванъ вышелъ побѣдителемъ, что подтверждалось разорваннымъ жилетомъ одного противника и плачевнымъ состояніемъ фізіономіи другаго. Обѣ стороны доказывали свою невинность, и, повидимому, на сторонѣ евреевъ было больше справедливости, потому что, кромѣ двухъ побитыхъ и замѣшанныхъ въ дѣлѣ, явились еще три свидѣтеля. Между тѣмъ молдаванъ крѣпко стоялъ на своемъ — что нашелъ три копѣйки — и, твердо полагаясь на мою защиту, дразнилъ мѣдной монетой своихъ непріятелей.

— Чего же вы хотите? спросилъ я у еврея, вступившаго со мною въ переговоры.

— Хотимъ наказать разбойника.

— Во первыхъ, любезнѣйшій, проступокъ моего проводника не доказанъ, а, во вторыхъ, еслибы и дѣйствительно онъ отнял три копѣйки, то вы наказывать своимъ судомъ не имѣете права. У него есть родители. Но мнѣ некогда, не лучше ли кончить дѣло миролюбиво.

— За что же онъ прибилъ?...

— И меня били, бойко отвѣтилъ черноглазый мальчуганъ: — видишь, ихъ двое...

Желая поскорѣе покончить сцену, я предложилъ обиженнымъ по пятаку, но враги не помирились и обѣщали при случаѣ перевѣдаться. Пустившись въ дорогу, я хотѣлъ вы-

вѣдать у своего проводника чистую правду и при этомъ, разумѣется, почерпнуть что нибудь изъ дѣтскаго быта. Вообще въ деревняхъ я у дѣтей прибрѣталъ большую популярность, которая достается такъ легко ласковымъ словомъ и какимъ нибудь грошевымъ пряникомъ. Мой проводникъ забожился и перекрестился, что нашелъ три копѣйки, но, когда онъ поднималъ монету съ земли, къ нему подбѣжали два еврейскихъ мальчика и начали оспаривать право на дѣлежъ добычи. Молдаванъ не соглашался, конкуренты приставали, и онъ, чтобы окончить, вступилъ съ ними въ драку. Случай этотъ заставилъ моего проводника, который бойко говорилъ по руснацки, передать мнѣ нѣсколько эпизодовъ изъ своей жизни, и я убѣдился, что еврейскія дѣти не только не ведутъ знакомства или не вступаютъ въ игру съ дѣтьми туземцевъ, а напротивъ стараются при малѣйшей возможности сдѣлать другъ другу пакость и нерѣдко выходятъ на побоище. Обыкновеннымъ поводомъ къ ссорѣ, какъ водится, служатъ бранныя слова, непріятныя каждому племени и именно съ этой цѣлью изобрѣтаемыя, которыхъ, конечно, въ простонародьѣ какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей, многое множество.

Кромѣ этого молдаване еще дразнятъ евреевъ особеннымъ способомъ, вѣроятно перенятымъ отъ русиновъ. Стоитъ только свернуть треугольникомъ полу платя и показать еврею, особенно между дѣтьми—какъ послѣдній выходитъ изъ себя, потому что подобный треугольникъ изображаетъ свиное ухо. Но молдаванскимъ дѣтямъ приходится иногда жутко; можетъ быть они и болѣе задирчивы, и всегда зачинщиками въ ссорахъ, но дѣло въ томъ, что взрослые евреи вмѣшиваются постоянно. Довольно еврею по улицѣ закричать »гвалтъ!«, равносильное нашему »карауль!« — какъ въ нѣсколько минутъ соберется порядочная толпа единоплеменниковъ, и поэтому и дѣти ихъ прибѣгаютъ къ подобному средству, если не могутъ одолѣть противниковъ. Хорошо, если молдаване успѣютъ скрыться во-время, а-то имъ частенько достается, что, впрочемъ, не мѣшаетъ шалунамъ при первой же возможности возобновлять нападеніе. Мой проводникъ, однако же былъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ двѣнадцати, и, когда онъ передавалъ мнѣ свои подвиги, идя по дорогѣ, я началъ стыдить его и доказывать, что въ его годы надо бы подумать о какой нибудь работѣ, а не о дракѣ съ евреями, которые такіе же люди, и проч.

— Нѣтъ, не такіе, отозвался мальчуганъ серьезно, качая головою.

— Ты ошибаешься...

— Да развѣ же они вѣруютъ въ Христа.

— Конечно, не вѣруютъ.

— Такъ чего же вы хотите? У нихъ и игрушки совсѣмъ другія, и какой есть самый маленькій, а ужъ умѣетъ мошенничать.

Очевидно, что мальчуганъ повторялъ слышанное отъ взрослыхъ, но мнѣ все-таки хотѣлось подѣйствовать на него примиряющимъ образомъ.

— Вѣдь, еслибы вы не затрогивали еврейскихъ дѣтей, сказалъ я:—не насмѣхались надъ ними, они, вѣроятно, съ удовольствіемъ играли бы съ вами.

— Какъ же! они будутъ играть до тѣхъ поръ, пока выманяте у тебя послѣдній грошъ, если есть, а тамъ сейчасъ подымутъ на смѣхъ. Вы думаете, что оба жиденка, которыми вы дали денегъ, забудутъ мои три копѣйки? Они засядутъ гдѣ нибудь за камнемъ и будутъ ожидать, пока ворочусь назадъ.

— Значить могутъ отнять.

— Чорта съ два! я приѣду завтра съ кѣмъ нибудь изъ Арианештъ, а если не случится, то пройду горою мимо батареи.

Сколько мнѣ кажется, то все это стремленіе, очень, разумѣется, похвальное, къ сближенію туземцевъ съ евреями весьма нескоро еще принесетъ благотворные результаты, потому что если образованные евреи и пойдутъ на встрѣчу къ тѣмъ образованнымъ людямъ, то масса какъ съ той, такъ и съ другой стороны, не имѣя даже и понятія объ этомъ сближеніи, надолго останется на степени вѣковой непріязни, вошедшей въ плоть и кровь и поддерживаемой житейскими выгодами. Отрѣшимся отъ всякихъ запасныхъ мыслей и безпристрастно взглянемъ на отношенія у насъ еврейскаго племени къ туземному въ простомъ классѣ народа, и мы увидимъ, что никакіе гуманные журналы, предпринимаемые съ цѣлью сближенія, не достигнутъ желаемого результата. Нашъ крестьянинъ вообще, и молдаванинъ, напимѣръ, въ особенности, безграмотенъ, а евреи, живущіе по деревнямъ мелкой торговлей и спекуляціями, не отстаютъ отъ своихъ привычекъ, дающихъ имъ возможность существовать съ семействомъ, какъ бы краснорѣчиво ни проповѣдывали передовые люди о честности.

любви къ ближнему и проч. Стремленіе къ прогрессу, высказавшееся въ послѣднее время, безъ сомнѣнія принесетъ и принесло уже громадную пользу въ средѣ евреевъ, поддающихся общечеловѣческому образованію, и современемъ окажетъ еще больше благотворнаго вліянія. Можно даже утверждать, что и наши высшій и средній классы въ послѣдніе годы ослабили въ себѣ историческую антипатію къ евреямъ при видѣ многихъ почтенныхъ личностей изъ этого племени. Но нашъ простолюдинъ при своей неразвитости и при своемъ невѣжествѣ, а еврейскій при своемъ фанатизмѣ и при особенно выработавшемся спекулятивномъ духѣ—нескоро увидятъ другъ въ другѣ »ближняго«. Я не говорю объ украинцѣ, издавна питающемъ ненависть къ евреямъ, но посмотрите на молдаванъ, которые не имѣли историческихъ причинъ видѣть въ еврейскіи исконнаго врага, и вы увидите—какая бездна лежитъ между этими племенами, и легко убѣдитесь, что этимъ тысячамъ еврейскихъ семействъ, наполняющимъ городки и мѣстечки, не съ руки проповѣдуемый прогрессъ, когда надо выбирать между прокормленіемъ семействъ извѣстными продѣлками и голодомъ. Я не слѣдилъ за всѣми статьями ученыхъ и образованныхъ евреевъ и не знаю—ставили-ль они этотъ вопросъ съ моей точки зрѣнія, но полагаю, что человѣку, знакомому, на примѣръ, хоть съ бытомъ Бессарабіи, не можетъ онъ представляться иначе. Мы выдѣлимъ изъ массы евреевъ личности, пріобрѣвшія какое нибудь состояніе, и позволимъ себѣ даже предположеніе, что личности эти, усвоивъ мысли своихъ образованныхъ единоплеменниковъ, пойдутъ отнынѣ другими путями къ расширенію своего матеріальнаго благосостоянія. Но что будутъ дѣлать тѣ многочисленные евреи, которые богаты только большими семействами, гнѣздятся по городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ, должны пріобрѣтать столько, чтобы прокормить, одѣть и обути дѣтей и уплачивать исправно подати. У такихъ евреевъ въ рукахъ или ремесло, или мелочная торговля. Ремесленникъ въ какомъ нибудь захолустьѣ при всей добросовѣстности заработаетъ очень немного, да и торговлей, ведя ее на честныхъ началахъ, пріобрѣтетъ не Богъ знаетъ что, и потому единственное для него пока средство—плутни и обманъ насчетъ темнаго туземнаго простонародья. Мнѣ кажется—единственный способъ къ сближенію племенъ и къ гуманизированію массы евреевъ заключается въ дозволеніи послѣднимъ селиться по всей имперіи. Племя это обладаетъ въ высшей степени торговыми способностями и умѣетъ

пользоваться малѣйшимъ случаемъ наживать копѣйку. Почему же, если признается это племя вреднымъ для великорусскихъ губерній, ему дано право обитать на югѣ и западѣ? Если пребываніе евреевъ—зло, то зачѣмъ же ему предоставлена одна только половина имперіи? Предположивъ присутствіе еврея вреднымъ, не будетъ ли справедливѣе раздѣлить этотъ вредъ поровну на всѣ области имперіи, и тогда современемъ онъ уменьшится самъ по себѣ. А между тѣмъ съ дозволеніемъ евреямъ селиться гдѣ угодно много пролетаріевъ вышло бы охотно на новыя мѣста, разнеся съ собою духъ предпріимчивости и промышленности, и мало по малу, теряясь въ болшинствѣ новыхъ элементовъ, усвоивали бы и другія начала, забывая многіе недостатки, свойственные, конечно, и прочимъ племенамъ, но приписываемые обыкновенно еврейскому. Евреи отличные конкуренты, и тамъ, гдѣ они появляются, товары тотчасъ же дѣлаются дешевы въ силу того простаго правила, что малый процентъ, при болѣе частомъ оборотѣ капитала, даетъ значительнѣйшую выгоду, нежели огромные проценты, если капиталъ лежитъ мертвымъ и ожидаетъ большихъ барышей. Послѣднему способу слѣдуютъ наши торговцы въ провинціи, и потому дѣла ихъ никакъ не могутъ сравниться съ дѣлами еврейскаго купечества. Самый наглядный и безспорный фактъ у насъ передъ глазами: до 1830, кажется, года Кіевъ по дешевизнѣ и удобствамъ стоялъ наравнѣ съ прочими губернскими городами западнаго края и даже превосходилъ ихъ, потому что въ немъ бываетъ громадный приливъ посторонняго народа, особенно лѣтомъ. Генераль-губернаторъ, графъ Левашовъ, исходатайствовалъ повелѣніе изгнать евреевъ изъ Кіева—и черезъ какихъ нибудь десять лѣтъ дороговизна сдѣлалась ощутительною, а черезъ двадцать въ Кіевѣ жить было уже гораздо дороже, нежели въ Петербургѣ. Относительно лавочной торговли я не нахожу разницы между нашими и евреями и укорять послѣднихъ въ плутняхъ и мошенничествѣ было бы несправедливо, если тѣми же эпитетами не назвать и значительное большинство нашихъ лавочниковъ. А что касается провинціальныхъ ремесленниковъ, то я всегда отдаю преимущество евреямъ, которые всегда сдѣлаютъ все и лучше, и дешевле. Съ ними только надо умѣть торговаться. Впрочемъ, я полагаю, каждому извѣстно—какъ и нашъ православный людъ запрашиваетъ, и не только въ провинціи, но въ самой столицѣ, гдѣ за вещь, стоящую гривенникъ, не задумавшись, попросятъ у васъ рубль и, при вашей усиленной

настойчивости, возьмутъ настоящую цѣну, истощивъ весь запасъ божбы и всевозможныхъ заклятій. Возвращаясь къ мысли сближенія этихъ двухъ племенъ, мнѣ кажется, на сколько я понимаю это дѣло, оно въ настоящемъ представляетъ чистѣйшую фантазію, пока не проникнетъ въ обѣ массы хоть какое нибудь просвѣщеніе и пока экономическіе интересы областей не примутъ другаго направленія.

Довольно прожить нѣсколько времени въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ евреями, довольно присмотрѣться къ настоящимъ отношеніямъ послѣднихъ къ туземцамъ, чтобы видѣть всю глубину утопіи о возможности какой-то братской пріязни между племенами, изстари враждебными другъ другу. Конечно, дѣйствовать въ этомъ смыслѣ необходимо, и дѣйствовать энергически съ цѣлью принести пользу потомкамъ, вѣроятно не очень близкимъ, и каждый благомыслящій органъ и каждый честный литераторъ обязаны проводить примиряющія идеи; но на самыхъ гуманныхъ и дѣльныхъ статьяхъ основывать надежды на скорое искорененіе какъ дурныхъ качествъ, привитыхъ Богъ знаетъ съ которыхъ поръ, такъ и племенныхъ расчетовъ—значить не знать ни того, ни другаго народа. Заводите школы, просвѣщайте темныя массы, показывайте на дѣлѣ примѣры терпимости и гуманности, дѣйствуйте на грубую оболочку предразсудковъ проведеніемъ здоровыхъ понятій въ формѣ доступной простолюдину и главное добейтесь, чтобъ онъ вѣрилъ въ искренность вашихъ стремленій, въ искренность желанія добра ему и его интересамъ—тогда внуки наши будутъ приближаться къ такому идеалу и трудъ вашъ принесетъ пользу сторицею. Все прочее будетъ похоже на холостые выстрѣлы по воробьямъ. Мы изгнали слово жидъ изъ печати, это правда, но я не знаю—всѣ ли мы перемѣнили и прежнее мнѣніе объ этомъ народѣ; а простолюдинъ нашъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго. Да и на какомъ основаніи онъ это сдѣлаетъ? ни онъ, ни еврей, съ которымъ не прекращаются его сношенія, нисколько не измѣнились послѣ многихъ очень хорошихъ статей, по естественной причинѣ, что ни тотъ, ни другой не знаютъ о существованіи этихъ статей, которыя «не при нихъ писаны». Передовые евреи пошли путемъ цивилизаціи и жалѣютъ только человѣка, несмотря на его религію. Но много ли такихъ евреевъ? а масса все смотритъ на христіанина съ фанатической точки зрѣнія и, не стѣняясь ничѣмъ, пользуется простотой нашего крестьянина. Гдѣ же тутъ можетъ быть сближеніе? Низшаго сословія

еврей, несмотря на грамотность, точно такъ же необразованъ, какъ и нашъ крестьянинъ, но онъ развитъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ и, пріучаясь съ дѣтства зашибать копѣйку, впослѣдствіи всю жизнь только и преданъ этому занятію. Онъ и не читаетъ ничего, кромѣ духовныхъ книгъ, которыя, впрочемъ, очень мало понимаетъ, потому что древне-еврейскій языкъ ему почти незнакомъ, а по нѣмецки читаютъ только евреи образованные, составляющіе весьма небольшой процентъ въ массѣ своего племени. Моральная испорченность низшаго еврейскаго слоя представляетъ значительную степень крѣпости еще и съ другой стороны: постоянно притисняемые многими мѣстными властями, евреи не только отвыкли уважать законъ, но научились обходить его разными лазейками и въ особенности подкупами, что, какъ извѣстно, вошло въ обычай въ довольно широкихъ размѣрахъ. Каждый самый бѣдный еврей, проживающій беззаконно въ деревнѣ, долженъ платить извѣстный косвенный налогъ, кому надлежитъ, и вслѣдствіе этого долженъ достать необходимую сумму какими бы то ни было путями. Еврей знаетъ, что, несмотря на всю правоту своего дѣла, онъ долженъ »задобрить« не одно лицо, и поэтому у нихъ существуетъ тѣсная связь между собою и постоянно поддерживаются сношенія со всѣми присутственными мѣстами черезъ своихъ довѣренныхъ агентовъ. Еще не такъ давно у евреевъ существовала своя тайная почта, посредствомъ которой, словно по телеграфу, передавались извѣстія. Перебравши все это въ умѣ, разумѣется, при близкомъ знакомствѣ съ бытомъ южныхъ и западныхъ губерній, невольно приходишь къ заключенію, что евреи, по крайней мѣрѣ большинство, нескоро сблизятся съ туземцами, потому что главнымъ препятствіемъ служатъ матеріальныя выгоды, а это такой двигатель, который нескоро поддается влиянію гуманности и цивилизаціи, разумѣется, при настоящемъ порядкѣ вещей. Открытое, гласное судопроизводство, смерть откупной системы, уничтоженіе крѣпостнаго права со всѣми его воспоминаніями и разумно проведенные и улучшенные пути сообщенія дадутъ другой оборотъ дѣлу; но для достиженія этого оборота много еще нужно подготовки и относительно нашего простолюдина. Здѣсь такъ много комбинацій, вяжущихся одна за другую, что, кажется, двадцать—тридцать лѣтъ переходнаго времени необходимо для вступленія въ болѣе свѣтлую, отрадную эпоху. Теперешнія дѣти будутъ, конечно, воспитаны на другихъ на-

чалахъ, они, можетъ быть, выработаютъ себѣ нныя начала и воззрѣнія, да и то многія изъ нихъ вынесутъ съ собою нѣкоторыя наслѣдственные болѣзни своихъ отцовъ и наставниковъ. Сладкія маниловскія фантазіи о скоромъ перевоспитаніи народа сами собою разбиваются о дѣйствительность, тѣмъ болѣе, что нныя изъ этихъ перевоспитателей совершенно съ нимъ незнакомы, другіе дѣлаютъ это не по призванію, третьи просто съ пушкомъ на рыльцѣ суетятся по пословицѣ: »куда вѣтеръ подуетъ«. Остается небольшая часть свѣтлыхъ, добросовѣстныхъ людей, которые дѣлаютъ свое дѣло въ тѣсной сферѣ, и эта-то почтенная дѣятельность принесетъ современемъ свои благотворные результаты. Надо только стараться искоренять предрасудки и фанатизмъ и смягчать грубые нравы простолюдина живымъ словомъ и примѣрами проповѣдуемыхъ стремленій. Конечно, народные журналы и газеты были бы однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для образованія массы, еслибы нашлись люди, которые, сперва употребивъ нѣсколько лѣтъ на изученіе быта простолюдина, посвятили бы потомъ жизнь свою на добросовѣстное веденіе дѣла. Но для того, чтобы здоровыя понятія нашли доступъ путемъ прессы въ темный народъ, наконецъ для того, чтобы этому темному народу привить потребность чтенія дешевыхъ и толковыхъ изданій, сколько нужно хлопотать объ устройствѣ школъ и объ окончательномъ разрѣшеніи вопроса—чему и кому учить народъ и т. п.

Относительно евреевъ нельзя сказать, чтобы они были безграмотны: всѣ они учатся съ дѣтства; но какую пользу въ нравственномъ отношеніи приносить массѣ эта грамотность? Гдѣ у нихъ народная литература, гдѣ хоть попытка дѣйствовать на грубую скорлупу закоренѣлыхъ предрасудковъ путями доступными всѣмъ, языкомъ понятнымъ безъ толкованій? Издававшійся въ Одессѣ »Разсвѣтъ« подѣ редакціей талантливаго и образованнаго О. Рабиновича началъ было выполнять эту задачу, но прекратился, не вызвавъ сочувствія, и кромѣ того, сколько мнѣ кажется, направленъ былъ не по тому пути, по какому слѣдовало. Почтеннѣйшій редакторъ задалъ себѣ задачу показать единоплеменникамъ, что, живя въ Россіи и пользуясь въ ней правомъ гражданства, они должны бросить ломаный нѣмецкій языкъ, вынесенный предками изъ Германіи, и учиться по русски. Мысль дѣйствительно справедлива, потому что евреи всего міра, сохраняя древній языкъ лишь въ дѣлахъ религіи, говорятъ между

собою обыкновенно на языкъ страны, въ которой обитаютъ. Кромѣ этого г. Рабиновичъ постоянно стремился показать единовѣрцамъ вредъ многихъ предразсудковъ, укорененныхъ въ массѣ, и началъ дѣло съ любовью и знаніемъ. Но въ изданіи газеты по русски и состояла главная ошибка почетнаго редактора. Ему слѣдовало печатать «Разсвѣтъ» на томъ исковерканномъ нѣмецкомъ языкѣ, которымъ у насъ повсемѣстно говорятъ евреи, потому что русскую грамоту знаютъ изъ нихъ немногіе и, наконецъ, не въ такой степени, чтобы понять статью, требующую извѣстной уже подготовки. Здоровыя понятія, приводимыя въ журналѣ, положимъ, встрѣтили бы противодѣйствіе невѣжества, но все-таки оказывали бы вліяніе и на польскаго еврея, и на бессарабскаго, почти незнающихъ русской грамоты. Прежде всего надо бы дѣйствовать на учителей, чтобы они учили дѣтей по русски, чтобы тамъ, на школьныхъ скамейкахъ, имъ внушаема была необходимость сближаться съ туземцами и гуманность.

Все это не разъ приходило мнѣ въ голову, когда я думалъ серьезно о возможности сближенія нашего племени съ еврейскимъ. Давно ли еще въ образованномъ кругу изъ благороднаго собранія удаляли дѣвицъ за еврейское происхожденіе; давно ли еще печатно толковали о томъ, что евреямъ для какихъ-то религіозныхъ обрядовъ нужна христіанская кровь; давно ли слово жидъ служило, да не служить ли и теперь, самымъ ругательнымъ терминомъ? Это съ одной стороны. Возьмите съ другой—фанатическую вражду массы къ гоямъ (христіанамъ), ловкія плутни мелкихъ промышленниковъ, притѣсненія малѣйшей власти, встрѣчаемая евреями на каждомъ шагу, отдѣльность евреевъ отъ интересовъ туземнаго племени, жажду пріобрѣтенія денегъ всевозможно нечистыми путями — и вы увидите, на сколько возможна степень сближенія. Въ то время, когда передовые люди подняли этотъ вопросъ и появилось даже много статей съ заявленіемъ дѣлу сочувствія, я не знаю — сказалъ ли хоть кто нибудь нашему или еврейскому простолюдину, что они братья, граждане одного государства и т. д., а если и сказалъ, то какими глазами посмотрѣлъ на того, напр., малорусъ, считающій еврея не человѣкомъ, или простой еврей, привыкшій смотрѣть враждебными глазами на иновѣрца. По моему безплодны всѣ усилія перевоспитать народъ, пока не измѣнятся основныя его начала, такъ точно какъ нельзя довести ди-

кій плодъ до извѣстныхъ формъ и вкуса, пока не пересадятъ дерево на другую почву.

Но пора приниматься за дѣло. Я шелъ довольно скоро, а проводникъ мой, не обращая вниманія на то, что намъ предстояло не менѣе десяти верстъ, отбѣгаль направо и налево разсмотрѣть чтонибудь возбуждавшее его любопытство. Двѣ сцены еще не вышли у меня изъ памяти.

— И вы часто деретесь съ евреями? спросилъ я.

— По нѣскольку разъ на день, отвѣтилъ онъ.

— И порядочно?

— Какъ случится: иной разъ мы отколотимъ, а бываетъ — и намъ достается. Ну, да наше чаще сверху.

— Что-жъ ты думаешь, это хорошо?

Мальчикъ посмотрѣлъ на меня вопросительно.

Я повторилъ.

— Да какъ же иначе: еврей идетъ — мы дразнимъ, изъ насъ ктонибудь идетъ — еврей дразнитъ: ну и затѣвается драка.

— А не подразнить нельзя?

— Обыкновенно, нельзя.

— А ссорятся ли взрослые?

— Почему не ссориться! только у нихъ рѣдко бываетъ драка. Наши еще колотятъ, а еврей тотчасъ идутъ жаловаться и судятся за обиду.

Пройдя мимо живописный монастырь, о которомъ я упоминалъ уже въ предыдущей главѣ, мы углубились въ лѣсъ и скорѣе, нежели я думалъ, подошли къ селенію Аріанештамъ, которое раскинуто по широкому берегу. Вещи мои давно уже прибыли, и хозяйка усердно хлопотала объ обѣдѣ, получивъ извѣстіе, что я за все плачу деньги. Проводникъ мой, которому далъ я три лева (30 к.), не помнилъ себя отъ радости и признался, что въ жизнь свою не имѣлъ въ рукахъ подобной суммы. Онъ показывалъ всѣмъ и каждому три гривенника и къ большому удовольствію могъ воспользоваться случаемъ уѣхать домой съ обратнымъ подводникомъ. Я тотчасъ же принялся перечитывать польскіе источники о гетманѣ Жолкѣвскомъ. Во всѣхъ лѣтописяхъ какъ нашихъ, такъ и польскихъ, упоминается, что Жолкѣвскій погибъ подъ Цецорой, исключая Нѣмцевича, который въ *Podróże Hystoryczne po ziemiach Polskich* урочище это называетъ Цекора. Впрочемъ, и этотъ авторъ въ своемъ *Spiewie Hystorycznem*, въ думѣ о Сѣнявскомъ пишетъ:

Nad brzegiem Dniestra na *cecorskiem* bloniu.

Gdzie Żolkiewskiego spotkał los okrutny и т. д.

Во второмъ томѣ Starozytnej Polski, на стр. 604, вотъ что говорится о Жолкѣвскомъ: »въ храмѣ этомъ (въ мѣстечкѣ Жолквѣ) много прекрасныхъ мраморныхъ памятниковъ. Станиславъ Жолкѣвскій, гетманъ и великій коронный канцлеръ, почтенъ былъ длинною надписью, въ которой находилось слѣдующее: »*Quam dulce et decorum sit pro patria mori, ex me disce—Tibi hostis ad terrorem, tibi hospes ad exemplum*«. Приказавъ стереть эту древнюю надпись, король Янъ (Собѣсскій) приказалъ положить слѣдующую, относившуюся къ нему какъ родственнику и мстителю Жолкѣвскаго: »*Echoriare aliquis nostris ex ossibus ultor*«.

Значить Станиславъ Жолкѣвскій похороненъ въ помѣстьѣ своемъ, Жолквѣ, въ Галиціи.

Леонъ Рогальскій, въ сочиненіи своемъ *Dzieje Jana III*, на стр. 3, говоритъ, что Станиславъ Жолкѣвскій погибъ подъ Цецорой. Но здѣсь встрѣчаются, на стр. 6, любопытныя подробности: »Якову Собѣсскому удалось наконецъ выкупить у Османа голову побѣдителя подъ Клушиномъ и Цецорой, которая долго висѣла на воротахъ сераля«.

Ю. Нѣмцевичъ, путешествовавшій по краю въ 1811 — 1828 гг., посѣтилъ Жолкву, изъ описанія которой видно—какимъ этотъ гетманъ пользовался почетомъ у образованныхъ земляковъ. Изъ Львова ѣздилъ онъ въ Жолкву.

»Кто же, говоритъ онъ, имѣя возможность, не отправился бы воздать долгъ могилѣ Жолкѣвскаго, осмотрѣть жилище мужа, который, не добиваясь власти, не мѣшаясь въ распри сильныхъ и усобицы, провелъ юность, зрѣлый возрастъ и посѣдѣлъ подъ шлемомъ? При жизни, служа цѣлью клеветы людей подлыхъ и завистливыхъ, онъ свою, раздраженную несправедливостями, но пламенно преданную отечеству, душу отдалъ за отечество. При жизни славу его раздирали такъ же, какъ имѣніе по смерти, даже останковъ его не щадила злоба и стерла съ гроба надписи, какъ будто его слава жила только въ однѣхъ надписяхъ, а чрезъ два вѣка равнодушіе и невѣжество самый прахъ его смѣшали съ прахомъ прочихъ мертвецовъ. Такова судьба мужей заслуженныхъ и знаменитыхъ! Ругаются надъ ними невѣжество и гнусная зависть, и душамъ чувствительнымъ, чтущимъ добродѣтель, слѣдуетъ защищать ихъ память отъ забвенія и отъ зависти злодѣевъ« (*Juliana Ursyna Niemcewicza Podróże Historyczne po Ziemiach Polskich*, str. 448).

»Предъ выходомъ изъ церкви, продолжаетъ Нѣмцевичъ, я палъ на колѣни на крышкѣ гроба Жолкѣвскаго, надъ прахомъ мужа, сложившаго голову за Бога, взывая къ небу о милосердіи надъ долго бѣдствующимъ народомъ. Вставъ съ колѣнъ, я спросилъ костельнаго сторожа: въ какомъ положеніи останки Жолкѣвскаго? »Тяжело признаваться, отвѣтилъ старикъ, ксендзъ Братковскій, бывшій здѣшній пробоцъ, приказавъ ихъ вынуть изъ оловяннаго гроба, смѣшавъ съ костями другихъ покойниковъ и всѣ вмѣстѣ заколотилъ въ одномъ деревянномъ гробѣ, изъ олова же заказавъ вылить подсвѣчники, которые видите на алтаряхъ... Что за безчувствіе, невѣжество, что за мертвенность души на всѣ великія воспоминаія« (id., стр. 450).

Изъ приведенныхъ здѣсь ссылокъ видно, что прахъ Жолкѣвскаго покоится въ Галиціи. Не мѣсто здѣсь приводить біографію гетмана, но любопытно то, что, кромѣ надгробнаго памятника на родинѣ, ему поставленъ монументъ на боевомъ полѣ, гдѣ онъ сложилъ голову.

Признаюсь откровенно, что, когда я прочелъ въ разныхъ сочиненіяхъ подвиги Жолкѣвскаго, мнѣ чрезвычайно захотѣлось увидѣть поскорѣе пустынный памятникъ въ стѣняхъ бесарабскихъ, существующій почти два съ половиной вѣка, если его поставили вскорѣ послѣ смерти гетмана. По »Одесскому календарю« онъ долженъ находиться на половинѣ пути между Сороками и Атаками, и я началъ собирать необходимыя свѣдѣнія, чтобы на другой день не пропустить этой замѣчательной вещи въ пустынѣ.

Отдохнувъ значительно отъ пѣшей прогулки и подкрѣпивъ силы незатѣйливымъ обѣдомъ, я вышелъ въ село съ цѣлью потолковать со стариками о предметѣ, меня занимавшемъ. Одинъ изъ ямщиковъ земской почты, хорошо говорившій по русски, взялся быть моимъ чичероне и переводчикомъ и повелъ меня прямо къ молдавану лѣтъ семидесяти, который сперва встревожился моимъ посѣщеніемъ, но потомъ сдѣлался разговорчивѣе. Представьте же мое удивленіе, когда онъ не только не зналъ, но и никогда не слыхалъ объ урочищѣ Цецорѣ, хотя перечелъ мнѣ всѣ деревни на разстояніи какихъ-нибудь двадцати верстъ въ окружности.

— Да на что вамъ эта Цецора? спросилъ онъ.

— Видишь ли, дѣдушка, тамъ стоитъ камень въ память одного сраженія.

— А! это могила поляка?

- Ну да, вѣдь онъ на поляхъ Цецоры.
— Какой Цецоры! это на поляхъ деревни Савки.
— Вереть десять впередъ къ Сорокамъ.
— Совсѣмъ нѣтъ, назадъ и только черезъ большую дорогу — верстахъ въ двухъ отсюда.
— Какъ? а у меня въ книгѣ писано — на половинѣ пути между Сороками и Атаками.
— Не знаю — какъ у васъ въ книгахъ, можетъ быть тамъ такъ надобно, а могилу поляка знаетъ каждый мальчишка.
— Она видна съ дороги, отозвался мой ямщикъ.
— Я хочу посмотрѣть ее непременно.
— Велите запретъ лошадей и поѣзжайте. Да тамъ ничего нѣтъ, только высокій каменный столбъ.

Черезъ полчаса я переходилъ большую дорогу и, по указанію проводника, увидѣлъ каменный столбъ на небольшомъ курганѣ, можетъ быть въ полуверстѣ разстоянія. Со мною былъ бинокль, при помощи котораго я могъ разсмотрѣть мѣстность на далекое разстояніе, но нигдѣ не видѣлъ присутствія окоповъ и шанцевъ, которые засвидѣтельствовали бы о минувшей битвѣ. Подхожу ближе. На курганѣ, подножіе котораго обросло терновникомъ, возвышается колонна около трехъ сажень вышиною. Памятникъ сложенъ изъ мѣстнаго камня. Это четырехугольный столбъ въ два квадратныхъ аршина. Нижняя часть, служащая пьедесталомъ, положена плотно, гладко, а верхняя, которая поуже, имѣетъ отъ стороны Днѣстра родъ впадины, какія дѣлаются надъ каминами. Рассказываютъ, что въ ней вдѣлано было зеркало, для отраженія родины, и, конечно, это производило чудный эффектъ, особенно во время солнечныхъ дней, когда въ зеркалѣ обрисовывалась синяя даль лѣваго берега. Сверху, вѣроятно, были какія нибудь украшенія, и все это разрушилось. На плитѣ можно еще прочесть: *Oginski H. W. L. (Hetman wielki Litewski)*. Пovyше замѣтны слѣды буквъ, испорченныхъ временемъ. Сѣверозападный уголь отваливается понемногу. Вѣроятно пастухи изъ шалости выламываютъ камни, и если уничтожится столько, сколько уже уничтожено, то колонна рухнетъ. Говорили мнѣ въ послѣдствіи, что лѣтъ, кажется, десять назадъ подана была просьба о возобновленіи памятника, но дозволенія не послѣдовало.

Удовлетворивъ любопытство — осмотрѣть степной монументъ, я все-таки не узналъ, гдѣ же была Цецора, извѣстная по кровопролитному сраженію. Одинъ молдаванъ, въ Кишиневѣ, рассказывалъ мнѣ послѣ, что дальше къ Пруту есть дере-

венька подобнаго названія, но я уже не имѣлъ ни средствъ, ни времени посѣтить эту мѣстность. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ я провелъ съ недѣлю надъ Прутомъ, собственно съ цѣлью посмотрѣть контрабандистовъ, но мнѣ не попалась тамъ Цецора, хотя, конечно, потому, что я не искалъ ея, рассчитывая найти надъ Днѣстромъ. Исслѣдователямъ украинской старины не мѣшало бы обратить вниманіе на этотъ предметъ, тѣмъ болѣе, что цецорская битва близко касается казаковъ.

Изъ Аріанештъ выѣхаль я въ селеніе Косоуцы, лежащее у днѣстровскихъ пороговъ. Желаніе видѣть поскорѣе эту любопытную мѣстность было такъ велико, что я не останавливался уже въ береговыхъ деревняхъ, исключая Кременчука, заинтересовавшаго меня какъ великолѣпнымъ мѣстоположеніемъ, такъ и названіемъ. Слово, какъ видите, почти славянское и тождественно съ названіемъ города Полтавской губерніи. Положимъ, послѣдній называется Кременчугъ, но это официально, что, какъ я уже и прежде замѣчалъ, указываетъ только на обычное извращеніе приказнымъ людомъ народныхъ названій. Малорусь и теперь говоритъ: Кременчукъ, и даже есть народная загадка: »плыве щука зъ Кременчука, куды глянє, трава вьянє«. Какъ водится, я ничего не могъ узнать о происхожденіи бессарабскаго Кременчука и только догадывался, что селеніе это населено не коренными молдаванами. Настоящіе жители его или омолодаванившіеся украинцы, выходцы изъ за Днѣпра, или руснаки, утратившіе свою народность. Самое названіе Косоуцы (по руснацки Косовці) показываетъ, что мѣстность эта встарину населена была славянскимъ племенемъ.

Кременчукъ, большое село, раскинулся по равнинѣ, между рѣкой и отступившимъ отъ нея нагорнымъ берегомъ, и обставленъ такими живописными скалами и такъ артистически сгруппированными, что передъ ними невольно остановится и тотъ, кому это не въ диковину. Необыкновенно интересенъ одинъ отдѣльный утесъ съ огромными камнями, который придаетъ оригинальный характеръ всему ландшафту. Несмотря на желаніе поскорѣе видѣть пороги, я остался ночевать въ Кременчукѣ, рассчитывая обойти, во первыхъ, побережье, во вторыхъ, темное ущелье, съ котораго можно было подняться на господствующую высоту, гдѣ мнѣ показались какія-то развалины. Былъ праздничный день, и недалеко отъ моей квартиры, у корчмы, молдаване собрались на танцы. Съ того берега прибыло нѣсколько подолянъ, невмѣшивавшихся въ бес-

сарабскія увеселенія, но тутъ же присутствовавшихъ, распивая кременчукскую горѣлку. Обрадовавшись случаю поболтать по малорусски, я угостилъ ближайшую группу подолянъ, пригласивъ также своего хозяина, и у меня закипѣла оживленная бесѣда. Я, по обычаю, началъ разспрашивать о старинѣ, о которой однако же у туземцевъ не оказалось почти никакихъ свѣдѣній. Отцы и дѣды рассказывали, что по правую сторону господствовалъ турокъ, а по лѣвую ляхъ—и только. А дальше, въ городѣ Сорокахъ, жила какая-то воинственная царица, обладавшая волшебною силою, которая на своей золотой галерѣ плавала даже въ Хотинѣ, переправляясь вверхъ по теченію черезъ пороги. Понятно, что это та же самая таинственная личность, о которой рассказывали мнѣ за Хотиномъ, подъ именемъ Домны, но болѣе подробныхъ воспоминаній не сохранилось о ней въ народѣ. Очевидно, что золотая галера появилась уже впоследствии въ воображеніи какого нибудь досужаго сказочника.

Видя нашу бесѣду и, вѣроятно, замѣтивъ, что бесѣда наша велась не на сухо, къ намъ подошло человѣка три молдаванъ, такъ что я велѣлъ еще подать водки. Одинъ изъ подолянъ отлично говорилъ по молдавски, два кременчукца недурно говорили по русски—и для меня ни одно слово не оставалось необъясненнымъ.

Припоминая недавнюю поѣздку свою на днѣпровскіе пороги, въ окрестностяхъ которыхъ жители, въ особенности старики, рассказываютъ разные эпизоды изъ жизни судоходовъ, замѣчательныя крушенія, подвиги извѣстныхъ лоцмановъ и т. п., я обратился и къ кременчукскимъ собесѣдникамъ съ просьбой познакомить меня предварительно съ днѣстровскими порогами.

Изо всѣхъ рассказовъ я вывелъ заключеніе, что ямпольскіе пороги, хотя и меньше днѣпровскихъ, однако, все же должны быть грозны, чему, по моему мнѣнію, способствовали и скалистые берега, и необыкновенная быстрота Днѣстра, который быстрѣе всѣхъ нашихъ судоходныхъ рѣкъ. Но, во всякомъ случаѣ, легенды окрестныхъ жителей были сухи, лишены поэзіи и каждый рассказчикъ относился къ предмету съ совершеннымъ равнодушіемъ, безъ того даже, свойственнаго туземцу, хвастовства, съ которымъ онъ сообщаетъ пришельцу о какихъ нибудь особенностяхъ своей родины.

— А шумъ отъ пороговъ слышенъ далеко? спросилъ я.

— Какъ же, далеко, отвѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ:— извѣстное дѣло — пороги.

— Года два тому назадъ разбилась одна галера, говорилъ старикъ-молдаванинъ: — я въ то время былъ на берегу и видѣлъ. Просто страхъ!

— И не погибъ никто?

— Нѣтъ, Богъ миловаль — галеру прибило къ камню, и мы бросились спасать.

— Значить не совсѣмъ разбилась?

— Проломился бокъ, она и сѣла на дно.

— Значить неглубоко?

— Нѣтъ, по грудь будетъ.

Фактъ для меня довольно странный, потому что я видѣлъ крушеніе судовъ на днѣпровскихъ порогахъ, гдѣ во время катастрофы мало шансовъ на спасеніе.

— Что же лоцманъ? спросилъ я: — зналъ ли онъ плохо проходъ или случился вѣтеръ?

— А кто его знаетъ! Должно быть не управилъ и баста — вѣдь это порогъ!

Цѣлый часъ толковалъ я съ собесѣдниками, и мнѣ все представлялось, что они рассказывали слышанное, а не какъ самовидцы, потому что на разпросы мои о подробностяхъ, которыя интересовали меня, какъ человѣка знакомаго съ плаваніемъ въ порогахъ, они или отдѣльвались общими мѣстами, или просто говорили вещи неидуція къ дѣлу. Я вскорѣ перемѣнилъ разговоръ и свелъ рѣчь на житье-бытье, служащую всегда обильной темой при встрѣчѣ съ нашимъ простолюдиномъ. Народъ однако же былъ доволенъ хорошимъ урожаемъ папушой (кукурузы) и обильнымъ сборомъ табака и винограда, такъ какъ эти три продукта составляютъ источникъ существованія и наслажденій для приднѣстровскаго жителя. Папушой кормить его, виноградъ опьяняетъ, а табакъ, употребленіе котораго на югѣ вошло въ повсемѣстный обычай, служить ему не только предметомъ удовольствія, но и предохраняетъ его отъ цынги, которая развивается въ бѣднѣйшемъ населеніи при плохой пищѣ и за отсутствіемъ огородныхъ овощей. Одинъ изъ поселянъ оказался чрезвычайно веселый малый и смѣшилъ меня, рассказывая съ особеннымъ юморомъ самыя неутѣшительныя вещи. Это было еще до 19 февраля 1861 года, когда въ западномъ краѣ дѣйствовала еще такъ называемая инвентарная система, которая *de jure* хоть и была уже шагомъ впередъ къ освобожденію, однако *de facto* тяготѣла надъ крестьянами всѣмъ гнетомъ крѣпостнаго права. Юморъ сроденъ украинцу и не покидаетъ его въ

самыя трагическія минуты, чему можно бы много привести примѣровъ. Молодой подолянинъ рассказывалъ, какъ однажды экономя сѣкъ его три раза на день, заставляя самого считать удары, и какъ ему удавалось каждый разъ ошибаться сче- томъ въ свою пользу.

Между тѣмъ скрипки гудѣли монотонную плясовую и молдаванская молодежь исполняла свой народный танецъ, о которомъ я упоминалъ уже выше. Нѣсколько хорошенькихъ женскихъ личикъ мелькало въ кругу танцующихъ, и разодѣ- тые молодые парни показывали передъ ними свое удалство и искусство. Подальше дѣти обоихъ половъ составили свои танцы, и надо было видѣть, какъ дѣвочки и мальчики, кото- рые недавно еще рѣзвились и дрались, составляя кругъ, серьезно, въ тактъ подавались изъ одной стороны въ дру- гую. Каждое неловкое движеніе неумѣющаго тотчасъ же исправлялось болѣе опытными танцорами или танцорками, и порой родители подавали совѣты, вмѣшиваясь въ толпу под- ростковъ. Но я не знаю ничего скучнѣе и однообразнѣе мол- давскихъ танцевъ. У всѣхъ прочихъ племенъ танецъ пред- ставляетъ болѣе или менѣе оживленія, между тѣмъ какъ у молдаванъ это какіе-то размѣренные шаги изъ одной стороны въ другую, съ соблюденіемъ извѣстнаго притопыванія въ тактъ; развѣ уже какой нибудь лихачъ выкинетъ мудреное па, ко- торое однако же какъ-то некстати въ серьезномъ и чинномъ кругѣ танцующихъ. Но вкусы бываютъ разные, и если люди находятъ удовольствіе топтаться и кружиться на одномъ мѣстѣ, то, значить, никто не имѣетъ права оуждать молдав- скіе танцы, которымъ молодежь предается нѣсколько часовъ сряду.

Я не дождался окончанія деревенскихъ увеселеній и, сопутствуемый проводникомъ, пошелъ по окрестнымъ горамъ, гдѣ не нашелъ ничего любопытнаго, но откуда долго любо- вался окрестными видами, разстилавшимися передо мною на далекое пространство. Кременчукъ въ особенности хорошъ съ южныхъ скалъ и могъ бы послужить хорошимъ оригиналомъ для пейзажиста, и если выбрать именно моментъ вечерняго освѣщенія — картина выйдетъ чрезвычайно интересна.

Помню, какъ долго я не могъ уснуть при мысли, что на другой день, утромъ, мнѣ предстояло очутиться у двѣстровскихъ пороговъ. Не знаю, многимъ ли понятно это чувство нетер- пѣнія, но оно такъ законно въ человѣкѣ посвятившемъ себя путешествію по краю, гдѣ селенія похожи одно на другое, что

я не считаю стыдомъ признаваться въ этой маленькой слабости. Еще во мнѣ было живо впечатлѣніе, оставленное днѣпровскими порогами, и мнѣ очень хотѣлось еще разъ увидѣть что нибудь подобное. Я только жалѣлъ, что у меня не было подъ рукой описанія ямпольскихъ пороговъ, но, какъ оказывается, жалѣлъ напрасно, ибо и впоследствии не нашелъ ни его, ни даже указанія на источникъ, гдѣ могъ бы почерпнуть эти свѣдѣнія. Во второмъ томѣ *Sprazozytnej Polski*, на стр. 1348, упоминается о нихъ очень глухо. »Осматривалъ (пороги) нунцій Коммендони во времена Сигизмунда-Августа и, признавъ ихъ малозначущими для судоходства, совѣтовалъ заключить торговый трактатъ съ Венеціей. Королю и сенату это понравилось, но посланные для осмотра рѣки комиссары нашли плаваніе черезъ пороги невозможнымъ, и дѣло осталось безъ результата, при одномъ желаніи«. На зарѣ выѣхалъ я изъ Кременчука и довольно еще рано подѣхалъ къ Косоуцамъ. Черезъ Днѣстръ виденъ городишко Ямполь, Подольской губерніи, но посѣщеніе его я отложилъ на дальше, такъ какъ мнѣ хотѣлось сперва познакомиться съ порожистой мѣстностью. Однимъ словомъ я готовилъ себѣ нѣсколько дней наслажденія и потому съ особеннымъ любопытствомъ ожидалъ увидѣть — хороша ли квартира, чтобы прожить, не стѣсняясь. Изба, куда привезъ меня возница, оказалась великолѣпная, съ большимъ столомъ, увѣшанная коврами, съ чистыми стеклами въ окнахъ и съ отличнымъ видомъ на береговья горы. Давно уже у меня не было такой уютной избы, при одномъ взглядѣ на которую я уже былъ расположенъ писать и чувствовалъ присутствіе вдохновенія. Разложивъ свои вещи и книги, какъ я раскладывалъ ихъ, если намѣревался гдѣ пробыть довольно долго, я тотчасъ же позаботился отыскать какъ нибудь лоцмана, который проводилъ бы меня хоть къ первому порогу и, разумѣется, сообщилъ нѣсколько свѣдѣній. Хотѣлось мнѣ и чаю, и позавтракать, и я готовъ былъ отказаться отъ того и другаго, чтобъ только поскорѣе удовлетворить свое любопытство, но, услыхавъ, какъ въ сѣняхъ слуга мой усердно раздувалъ самоваръ, я рѣшился подождать чай, тѣмъ болѣе, что много еще было впереди времени. Между тѣмъ хозяинъ привелъ мнѣ лоцмана, высокаго молдавана, который робко вошелъ въ избу и, поклонившись, неподвижно остановился у прилавка. Первымъ дѣломъ моимъ было освѣдомиться — говорить ли онъ по русски. Лоцманъ посмотрѣлъ на меня какъ-то недовѣрчиво и немного замялся, но

когда я, замѣтивъ его нерѣшительность, поспѣшилъ объяснить, что я не чиновникъ и ничего не могу отъ него требовать, онъ заговорилъ бойко по руснацки и спросилъ, что мнѣ надо. Поднесенная чарка водки и приглашеніе садиться успокоили окончательно лопмана, и я, вкратцѣ объяснивъ ему цѣль своей поѣздки, обратился съ просьбой съѣздить со мной на пороги.

— Отчего же, можно, сказалъ онъ: — это наше дѣло, мы постоянно проводимъ плоты и галеры.

— Ты ужъ, любезный, пожалуйста, побудь сегодня со мною, я тебя поблагодарю. Вотъ мы напьемся чая и пойдемъ на рѣку, а, можетъ быть, далеко, такъ возьмемъ повозку.

— Хотите, поѣдемъ въ каюкѣ?

— Нѣтъ, я сегодня хочу лучше осмотрѣть съ берега, а завтра отправимся водою.

— Здѣсь очень близко.

Пока приготовили чай, я принялся разспрашивать лопмана о разныхъ преданіяхъ и легендахъ относительно пороговъ, рассчитывая не упустить и самоналѣйшихъ свѣдѣній. По народному повѣрью пороги существуютъ съ поконъ вѣку. Происхожденіе ихъ приписываютъ какому-то волшебнику, который жилъ въ приднѣстровскихъ скалахъ (скалахъ). Царица, жившая въ верховьяхъ Днѣстра, воевала съ царемъ, котораго царство простиралось въ низовьяхъ до лимана. У царя было больше войска и огромныя галеры, съ которыми онъ пошелъ, чтобы окончательно покорить противницу. Узнавъ объ этомъ, царица обратилась къ свѣдому волшебнику, который жилъ въ ея владѣніяхъ. Волшебникъ этотъ полгода спалъ, полгода бодрствовалъ. Когда царица подошла къ его пещерѣ — онъ храпѣлъ богатырски; а нравъ у него былъ такой, что приди кто хочешь, его попроси — если не спитъ, рѣдко откажетъ; если же разбудить — съѣсть непременно, а кого не съѣсть, то какъ нибудъ окалѣчить. Царица это знала, однако рѣшилась разбудить, потому что непріятель приближался и грозилъ не оставить камня на камнѣ въ ея городѣ. Она приказала одному воину разбудить спящаго, тотъ растолкалъ волшебника, но заплатилъ жизнью. Тогда явилась царица и просила чародѣя избавить ее отъ нашествія непріятеля. Волшебникъ умиловивился и обѣщаль пособить горю. Въ то время вражеское войско плыло на галерахъ и миновало уже Сороки. Когда флотилія поровнялась съ однимъ переднимъ утесомъ — чародѣй пихнулъ этотъ утесъ и потопилъ вражеское

войско. Съ тѣхъ поръ поперекъ Днѣстра лежать пороги. Легенду эту передавалъ мнѣ одинъ судорабочій, уже впоследствии въ м. Маякахъ, который въ дѣтствѣ слышалъ ее отъ стариковъ; но жители Косоуць, сколько я ни спрашивалъ, не могли сообщить мнѣ никакого преданія.

— Не можетъ же быть, сказала я лодману: — чтобы отцы ваши не слышали чего нибудь отъ дѣдовъ или прадѣдовъ.

— Отцы рассказывали, что встарину пороги были больше, а кто ихъ дѣлалъ — не знаемъ. Видно такъ уже они и были съ начала свѣта. Недавно, должно быть, какой-то землѣмѣръ сымалъ ихъ на плавъ и говорилъ, что надобно ихъ взорвать порохомъ.

— Ну, а вы же, лодманы, какъ объ этомъ думаете?

— Да что мы думаемъ! Значитъ нашему брату будетъ плохо. Теперь все-таки есть кое-какой заработокъ, а прочистять проходъ, тогда каждый спустится по теченію. А то мы слышали, что хотятъ прокопать обходную канаву.

Для меня все это было ново, и, хоть я часто посѣщалъ Одессу, однако, ничего не слышалъ относительно улучшенія днѣстровскаго судоходства. Были какіе-то проекты въ черноморской пароходной комиссіи, даже ѣздилъ одинъ морякъ дѣлать промѣры, но какіе отъ этого результаты — неизвѣстно. Путейское же вѣдомство не занималось расчисткой пороговъ, полагая ли невозможнымъ это обстоятельство для сообщенія, или не желая убить бесполезно милліоны, какъ это сдѣлано на днѣпровскихъ порогахъ.

Разговорившійся лодманъ выразилъ желаніе, чтобы дѣло оставалось въ прежнемъ порядкѣ по двумъ причинамъ: первая — что суда не подвергаются вообще большой опасности, а вторая — что сословіе лодмановъ не лишится выгодъ. Считаю меня однако же заинтересованнымъ въ дѣлѣ и предполагая во мнѣ инженера или подрядчика, онъ старался наводить на ту мысль, что Днѣстръ и теперь въ верховьяхъ мелокъ, а если порвать пороги, то онъ можетъ обмелѣть окончательно, такъ что сдѣлается невозможнымъ для судоходства.

Напившись наскоро чая, я собрался въ дорогу и, сопровождаемый лодманомъ, вышелъ къ Днѣстру, который между Косоудами и Ямполемъ довольно узокъ, но быстръ и течетъ въ плоскихъ берегахъ. Въ разныхъ мѣстахъ стояли неуклюжія лодки, вродѣ корытъ, свойственныя одной этой рѣкѣ и какихъ, конечно, нигдѣ болѣе вы не встрѣтите. По обычаю въ нихъ лежатъ и лопатки, замѣняющія весла.

— Неужели и вы, лодманы, ѣздите на такихъ челнахъ? спросилъ я у своего спутника.

— А какихъ же еще надобно? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— И въ порогахъ?

— И въ порогахъ.

Мнѣ показалось страннымъ, что въ страшной быстротѣ между камнями можно безопасно плавать въ четырехугольномъ плоскодонномъ корытѣ. Мнѣ казалось, что въ самой ничтожной днѣпровской заборѣ не проѣхать въ такой лодкѣ. Это меня сильно заинтересовало.

— Съ такимъ каюкомъ управляться трудно?

— Еще какъ ловко, а ужъ не боишься опрокинуться.

— Ты видѣлъ какую нибудь другую рѣку?

— Нѣтъ, не видѣлъ.

— И въ Одессѣ не былъ?

— Дальше Бендеръ не ходилъ.

— Значитъ не знаешь постройки легкихъ челноковъ?

— Наши дѣды и отцы ѣздили на такихъ, зачѣмъ же намъ вводить новые порядки?

Подобный отвѣтъ нисколько не удивилъ меня, потому что сколько людей и въ высшихъ сословіяхъ боятся каждаго нововведенія и считаютъ его вреднымъ на основаніи того, что наши дѣды и отцы такъ не дѣлали. На Днѣстрѣ же дѣйствительно все сохраняетъ патріархальные обычаи, особенно судоходство, приемы котораго остались безъ всякаго сомнѣнія въ наслѣдство отъ даковъ. Не понимаю я только одного — какимъ образомъ генуэзцы, имѣвшіе по Днѣстру торговыя конторы въ Аккерманѣ, Бендерахъ, Сорокахъ и Хотинѣ, не улучшили допотопныхъ галеръ или, наконецъ, не выучили прибрежныхъ жителей строить небольшія удобныя лодки.

Миновавъ на противоположномъ берегу послѣднія строенія Ямполья, мы вышли въ подобіе долины, образуемой порядочнымъ отдаленіемъ праваго гористаго берега, который уходилъ покатою возвышенностью, изрѣзанною, впрочемъ, разнообразными оврагами.

Вскорѣ до слуха моего дошелъ шумъ волнъ, разбивающихся о камни, и я прибавилъ шагу отъ нетерпѣнія увидѣть ямпольскіе пороги. Днѣстръ въ этомъ мѣстѣ узокъ, но я не замѣтилъ, чтобъ его быстрота была значительнѣе обыкновенной. Впереди показалась ничтожная гряда черезъ рѣку, и я оста-

новилъ на ней вниманіе, считая ее заборой, какъ называютъ на Днѣпрѣ подобныя гряды, и спѣшилъ дальше.

— Куда же вы? спросилъ лодманъ.

— Поскорѣе къ порогамъ...

— Да развѣ вы не видите — мы у самаго порога...

Я остановился въ изумленіи. Неужели же это тѣ подводныя скалы, служащія непреодолимымъ препятствіемъ для судоходства? И да не подумаетъ читатель, что я съ какойнибудь цѣлью или такъ, ради эффекта, отношусь къ ямпольскимъ порогамъ съ такимъ презрѣніемъ: гряда эта до того незначительна, что ее просто можно не замѣтить. Представьте себѣ рядъ камней, лежащихъ поперекъ Днѣстра, которые едва видны и то не вездѣ, и вы будете имѣть понятіе о пресловутомъ порогѣ, имѣющемъ много-много какойнибудь футъ паденія. Самый несчастный изъ днѣпровскихъ пороговъ — сурскій, показался бы просто грозою передъ ямпольскимъ, и я убѣжденъ, что каждый днѣпровскій лодманъ не рѣшился бы назвать послѣдній порогомъ. Положимъ, судохозяева смиряются передъ этимъ ничтожнымъ препятствіемъ, мѣстные лодманы находятъ выгоду, туземцы преувеличиваютъ опасность плаванія въ своихъ разказахъ... Но за чѣмъ же смотрятъ люди, понимающіе дѣло? Подобный порогъ положительно не можетъ служить препятствіемъ къ судоходству, во первыхъ, потому, что онъ единственный; во вторыхъ, до того жалокъ, что его весьма легко уничтожить; въ третьихъ, на уничтоженіе его потребуется очень немного расходовъ. Существованіе этого порога въ видѣ непреодолимой преграды для плаванія доказываетъ только, что Днѣстръ не былъ еще изслѣдованъ основательно и что печальная рутина сопровождала всѣ изслѣдованія разныхъ специалистовъ. По крайнѣ мѣрѣ я не могу понять иначе упорно поддерживаемаго мнѣнія о непреодолимыхъ препятствіяхъ. Отчего же на Днѣпрѣ, гдѣ пороги разбросаны на 70 верстъ разстоянія, изъ которыхъ, какъ, напр., Ненасытець имѣетъ 16 фут. паденія, при такой большой ширинѣ рѣки, — отчего же тамъ десятки лѣтъ уже какъ хлопчуть о возможности судоходства? Кто читалъ мои «Очерки Днѣпра», тотъ, конечно, знаетъ, что днѣпровскіе пороги не улучшены, но, по крайней мѣрѣ, видитъ — какія громадныя суммы пошли на это улучшеніе. Значитъ обращено же было вниманіе — приложить къ дѣлу науку. Почему же Днѣстръ не заслуживаетъ ничьей заботы? Если на Днѣпрѣ рвали гранитныя скалы на протяженіи версты длины и 15 сажень ши-

рины, то на Днѣстрѣ и Богъ велѣлъ, потому что на это стоит употребить лишь нѣсколько пудовъ пороха. Безполезность днѣпровскихъ пороговыхъ сооружений происходит не оттого, что каналы выстроены дурно, но, во первыхъ, потому, что строители не хотѣли послушать опытныхъ лоцмановъ, совѣтовавшихъ очистить старинный фарватеръ, а, во вторыхъ, еще и потому, что каналы сооружены на тихой водѣ. Здѣсь, у Ямполя, на этомъ жалкомъ порожекѣ, лежащемъ въ ширину на нѣсколько сажень, ничего нѣтъ легче сдѣлать искусственный фарватеръ — и сдѣлать какъ можно скорѣе въ видахъ развитія торговли, хотя бы собственно и для сплава. О взводномъ судоходствѣ, мнѣ кажется, мечты напрасны не потому, что это невозможно, а принимая во вниманіе отсутствіе предметовъ, которые могли-бъ отправляться въ Австрію. Пассажирское пароходство, конечно, разовьется современемъ, но здѣсь главное улучшить сплавное судоходство и — *sine qua non* — похлопотать о сухопутныхъ средствахъ сообщенія. Къ Днѣстру необходимы двѣ—три линіи хоть узенькаго шоссе, по которому едва разѣдутся двѣ повозки, такъ какъ все-таки оно подвинетъ какъ торговлю и промышленность, такъ и производительность края. Посмотрите въ Австріи, въ пограничныхъ селахъ — вездѣ отличныя дороги, а государство это не можетъ похвалиться хорошимъ состояніемъ своихъ финансовъ. Мы тоже не отстаемъ отъ Европы и порой, повидимому, стараемся перещеголять ее: то строимъ шоссе, то хлопчемъ о его ширинѣ, красотѣ, воздвигаемъ не станціи, а палаты и порой ведемъ параллельно съ нимъ желѣзныя дороги. Еслибы вообще къ судоходнымъ рѣкамъ — я говорю о южныхъ — примыкали полосы шоссированныхъ дорогъ въ двѣ сажени шириною, безъ образцовыхъ мостовъ, безъ этихъ украшеній, выдѣлываемыхъ у каждой версты изъ камней, безъ этихъ красивыхъ садиковъ, разводимыхъ у большихъ станцій, хлѣбъ нашъ — одинъ изъ главныхъ предметовъ отпуска — значительно дешевле продавался бы въ портовыхъ городахъ и мы все еще могли бы соперничать съ земледѣльческими областями другихъ государствъ. Между тѣмъ у насъ ни изъ балтійскихъ, ни изъ черноморскихъ портовъ хлѣбъ не можетъ продаваться дешево, потому что доставка сухимъ путемъ какъ въ самые порты, такъ и къ пристанямъ судоходныхъ рѣкъ обходится какъ нигдѣ въ мірѣ. Возвращаясь къ Днѣстру, можно сказать утвердительно, что, прикасайся онъ къ обезпеченнымъ сухопутнымъ сообщеніямъ — плаваніе по немъ улуч-

шилось бы само собою и эти жалкія допотопныя галеры исчезли бы сами собою, уступивъ мѣсто судамъ болѣе удобнымъ для транспортированія грузовъ.

Испытавъ полнѣйшее разочарованіе относительно ямпольскихъ пороговъ, я присѣлъ на камнѣ отдохнуть и попросилъ лоцмана послѣдовать моему примѣру.

— Мнѣ кажется, сказалъ я ему:— что черезъ этотъ порогъ и я провель бы галеру.

— Не мудрено, если ходили около этого дѣла.

— Да въ чемъ же здѣсь трудность?

— Неровенъ часъ—натолкнетесь на камни, а то, пожалуй, и по выходѣ изъ порога ударитесь вонъ о ту скалу, пониже.

Я началъ рассказывать своему собесѣднику объ опасностяхъ плаванія по днѣпровскимъ порогамъ и о положеніи тамошнихъ лоцмановъ, которые провожаютъ судно черезъ девять пороговъ и кромѣ того проходятъ четыре заборы да множество отдѣльныхъ камней, торчащихъ по фарватеру.

Повѣрилъ ли молдаванъ или не повѣрилъ моему описанію только усмѣхнулся и замѣтилъ:

— Хотѣлъ бы я видѣть этихъ лоцмановъ, какъ бы они справились съ нашимъ порогомъ:

Затронутое самолюбіе вообще, а тѣмъ болѣе въ подобномъ случаѣ, неподатливо, а потому я пересталъ говорить о сравненіи дѣйствительныхъ пороговъ съ порогомъ, незаслуживающимъ этого названія; я просилъ его рассказать какіе нибудь эпизоды. Но вопросы мои не увѣнчались успѣхомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть особеннаго въ плаваніи на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень тамъ, гдѣ во время половодья мелкосидящія суда спускаются безпрепятственно и гдѣ только въ межень нужно знать фарватеръ. Днѣстръ, вообще быстрый, въ порогѣ едва замѣтно увеличиваетъ быстроту свою по причинѣ самаго незначительнаго паденія, и потому мнѣ кажется, что галерамъ не менѣе предстоитъ опасностей въ мѣстахъ, гдѣ эта рѣка дѣлаетъ крутыя извилины, побережья которыхъ нерѣдко усѣяны камнями.

Вообще видъ ямпольскаго порога не представляетъ ничего живописнаго, и только пониже отвѣсныя скалы и на нихъ группы деревьевъ представляютъ красивый ландшафтъ, который, впрочемъ, по Днѣстру на каждомъ шагу встрѣчаетъ путешественникъ.

Я однако же не поддался первому грустному впечатлѣнію и съ упорствомъ продолжалъ жить въ Косоуцахъ, отправ-

ляясь ежедневно къ порогу присутствовать при спускѣ галеръ и плотовъ, но въ этомъ плаваніи не видѣлъ рѣшительно ничего интереснаго. Судно идетъ обычно, только лоцманъ командуетъ, да рабочіе покрикиваютъ громче другъ на дружку. Проходъ въ порогѣ не узокъ, и, подойдя къ нему, галера въ нѣсколько секундъ уже на вольной водѣ, гдѣ еще употребляютъ усилія—отвести ее отъ угрожающей скалы на берегу, куда стремится нѣсколько усиленное теченіе — и вотъ вся исторія.

Конечно, я жилъ тамъ недолго; можетъ быть и встрѣчаются катастрофы; по крайней мѣрѣ я, изучивъ плаваніе по днѣпровскимъ порогамъ, не понималъ—какимъ образомъ у порога ямпольскаго можетъ произойти крушеніе. И я полагаю, что, еслибы только было обращено серьезное вниманіе на это препятствіе, оно давно не существовало бы. Какой-то господинъ, желавшій поступить на службу въ Русское Общество пароходства и торговли, написалъ проектъ объ уничтоженіи порога и приложилъ планъ для предполагаемыхъ работъ; но брошюра эта напечатана была съ цѣлью показать лишь обществу предварительное знакомство съ Днѣстромъ, въ сущности же она не выдерживаетъ критики. Предлагали прорыть обводный каналъ, что на этой мѣстности равносильно перемѣнѣ фарватера въ Днѣстрѣ, а это не бездѣлица. Притомъ же каналъ пришлось бы выкопать въ кряжѣ подводныхъ скалъ, идущихъ отсюда черезъ Бугъ, Днѣпръ и до самой рѣчки Берды, въ Таврической губерніи, между тѣмъ какъ дѣло очень просто — прочистить рѣку посредствомъ пороховыхъ взрывовъ, какъ мы уже говорили. Еслибы этому способу послѣдовали и на днѣпровскихъ порогахъ, то и тамъ судоходство было бы радикально улучшено и не истратили бы безъ пользы столько милліоновъ.

Присутствіе мое въ Косоуцахъ, какъ человѣка, ежедневно отправлявшагося къ порогу, не могло не возбудить толковъ, особенно между близживущими евреями, которые въ каждомъ пріѣзжемъ, а тѣмъ болѣе изъ Петербурга—что встрѣчается тамъ очень рѣдко—видятъ лицо снабженное разными полномочіями. Человѣка два или три изъ нихъ являлись ко мнѣ въ Косоуцы съ просьбами, а одинъ съ формальнымъ доносомъ на мѣстныя власти; но какъ жалобщикамъ, такъ и доносчикамъ я объявилъ положительно, что занятія мои совершенно другаго рода и что я не имѣю никакого права вмѣшиваться во что бы то ни было.

Отправясь однажды, подь вечерь, къ порогу одинь — посидѣть съ сигарой на прибрежныхъ камняхъ и оттуда обойти окрестность съ цѣлью отыскать мѣстность, гдѣ стоялъ обозомъ Тимошей Хмѣльницкій, — я набрелъ на какіе-то окопы почти на половинѣ пути между Косоуцами и Сороками. По всѣмъ соображеніямъ, какъ я убѣдился впоследствии, это и было искомое мѣсто, потому что Хмѣльницкій нигдѣ не могъ удобнѣе стоять укрѣпленнымъ лагеремъ. Не успѣлъ я расположиться на валу — какъ по тропинкѣ взобрался туда же красивый среднихъ лѣтъ еврей и почтительно со мною раскланялся. Онъ говорилъ по русски довольно неправильно, частью съ польскимъ акцентомъ, частью съ оригинальной разстановкой словъ, но бойко и для меня понятно. Разумѣется, онъ титуловалъ меня какъ лицо по его мнѣнію занимавшее важное мѣсто въ служебной іерархіи, и не только не хотѣлъ сѣсть со мною рядомъ, а даже не рѣшался надѣть шапку, несмотря на всѣ мои просьбы. Еврей никогда не начнетъ разговора прямо о дѣлѣ, и потому прошло четверть часа въ различныхъ общихъ мѣстахъ. Наконецъ я дождался.

— Вы присланы изъ Петербурга? спросилъ онъ.

Я отвѣтилъ утвердительно.

— По водяной комуникаціи?

— Почему такъ думаешь?

— Вы каждый день ходите къ порогамъ, разговариваете съ лодчанами...

Я понялъ, что новому знакомцу моему извѣстны всѣ малѣйшія подробности моего быта.

— И все-таки я не состою въ вѣдомствѣ путей сообщенія, сказалъ я.

— Видите ли, мы въ толкъ не возьмемъ — зачѣмъ собственно вы пріѣхали.

— Еслибы ты давно спросилъ меня, я тотчасъ бы удовлетворилъ твое любопытство. Пріѣхалъ я посмотреть — какъ живеть народъ, какъ на Деѣстрѣ ловятъ рыбу, какія по немъ плаваютъ суда...

— А насчетъ евреевъ? спросилъ мой собесѣдникъ, плутовски подмигивая правымъ глазомъ.

— Въ числѣ береговыхъ жителей наблюдаю и евреевъ.

— Такъ.

И еврей замаялся, очевидно желая предложить какойнибудь щекотливый вопросъ.

— У насъ, я вамъ скажу, нѣтъ никакой контрабанды, сказалъ онъ вдругъ, смотря мнѣ прямо въ лицо: — потому что здѣсь граница очень далеко. Въ Аккерманѣ и Бендерахъ еще бываютъ случаи, а нашъ городокъ въ сторонѣ. Мы больше промышляемъ хлѣбомъ, табакомъ...

Я невольно засмѣялся.

— Скажи, пожалуйста, отчего тебѣ вздумалось говорить со мной о контрабандѣ? спросилъ я.

— Видите ли, на насъ, евреевъ, всегда падаетъ подозрѣнiе, что мы ведемъ запрещенную торговлю.

— Потому что, дѣйствительно, евреи съ успѣхомъ занимаются контрабандой въ Липканахъ, Хотинѣ, Бричанахъ, Сокирянахъ...

— Можетъ быть, только не у насъ.

— Наконецъ, еслибы и у васъ, какое же мнѣ дѣло до этого...

— Помилуйте, вамъ могутъ наговорить Богъ знаетъ чего. Знаете, что я вамъ скажу: какъ я вижу, что вы лицо важное...

— Не знаю, почему ты предполагаешь во мнѣ важное лицо, но увѣряю тебя честнымъ словомъ, что не имѣю никакого порученiя преслѣдовать контрабанду, и, наконецъ, скажу болѣе: я совсѣмъ не состою на службѣ.

— Не состоите на службѣ! Да что же васъ привело въ нашу сторону?

— Я уже сказалъ, что осматриваю берега Днѣстра.

— Здѣсь недавно осматривалъ одинъ полковникъ, такъ онъ плылъ въ лодкѣ и ни до чего не касался. Ему только начальство давало записки—сколько, примѣромъ, въ уѣздѣ хлѣба, сколько отправляется судовъ...

— А я никогда не прошу у начальства никакихъ записокъ.

— Вы, т. е., сами хотите знать, но только увѣряю васъ, что у насъ нѣтъ контрабанды. Грѣхъ будетъ сказать, чтобъ иногда не проскочилъ какой нибудь фунтикъ чая... Но никто здѣсь не занимается этой торговлей.

— Увѣряю тебя, что еслибы и весь городъ занимался, то мнѣ рѣшительно нѣтъ никакой надобности.

— А съ порогомъ что вы думаете дѣлать?

— Я думалъ бы расчистить его порохомъ.

— Мы слышали, не знаю только навѣрно, будто хотятъ обойти каналомъ.

— По моему очень трудно.

— Позвольте вамъ доложить: порогъ взорвать недолго и тутъ подрядчику не будетъ никакой выгоды. А копать каналъ — все-таки бѣдный человѣкъ что нибудь заработаетъ.

— Грунтъ вѣдь каменный.

— Оттого и работа трудная, дешево взятыся нельзя. И если вамъ поручено осмотрѣть порогъ, то мы просили бы васъ доложить дѣло такъ, что каналъ для казны выгоднѣе. Вѣдь это въ вашихъ рукахъ, прибавилъ онъ съ многозначительной улыбкой.

— Значить ты не прочь онъ подряда?

— Поторговаться можно. А вы повѣрьте, что наши знаютъ свою должность, сказалъ еврей, помахивая фуражкой.

— То есть, какую должность?

— Стало быть, вы только выведете планъ, чтобъ каналъ вышелъ подлиннѣе, а подрядчикъ не постоитъ...

— Значить человѣкъ бывалый...

— На свѣтѣ всего бываетъ. А вы, я вамъ скажу, не вѣрьте лопманамъ: они говорятъ, что порогу дѣлать ничего не надобно. Имъ, конечно, интересъ, значить имѣютъ заработокъ.

Какъ ни старался я вывести еврея изъ заблужденія относительно своей командировки — онъ настаивалъ на своемъ и готовъ былъ предложить мнѣ предварительную взятку, чтобъ только расположить меня въ свою пользу.

— Чтобъ кончить этотъ разговоръ, сказалъ я ему: — я долженъ замѣтить, что очень хорошо понимаю — къ чему клонятся твои намеки. Но я не въ претензіи: вы привыкли дѣйствовать такимъ образомъ — по пословицѣ »горбатаго могила исправить«. Говорю тебѣ въ послѣдній разъ, какъ честный человѣкъ, что я не имѣю никакого порученія, ни насчетъ изслѣдованія контрабанды, ни относительно расчистки пороговъ. На мои описанія ни министерство финансовъ, ни вѣдомство путей сообщенія, можетъ быть, не обратятъ никакого вниманія, потому что я посланъ морскимъ министерствомъ и труды свои посылаю въ »Морской Сборникъ«.

— Да ваше слово много значить.

— Ты крайне ошибаешься: мое слово ничего не значить. А вотъ, если ты будешь такъ добръ и сообщишь мнѣ свѣдѣнія о торговлѣ лѣсомъ, хлѣбомъ или табакомъ, поразскажешь — какъ это все здѣсь дѣлается, я буду тебѣ очень благодаренъ.

— А на планѣ же вы какъ покажете: выгоднѣе ли рвать порогъ или рыть каналъ?

— Плана я никогда дѣлать не буду, потому что не умѣю, а о расчисткѣ порога скажу, что удобнѣе всего прочистить камни порохомъ.

Еврей посмотрѣлъ на меня не очень привѣтливо.

— Въ такомъ случаѣ извините, что я васъ побезпокоилъ.

— Ничего, любезный.

— Вы и въ Сороки пріѣдете?

— Я думаю, завтра же переѣду.

— Ну, прощайте. Я шель по дѣлу въ Ямполь да завернуль поговорить.

— Спасибо.

Еврей торопливо спустился съ окоповъ, и потомъ я нигдѣ не видѣлъ его на тропинкѣ, ни надъ Днѣстромъ, ни по ко-согору.

Между тѣмъ начало вечерѣть и весь западъ облился яркимъ багрянцемъ. Ввечеру весь Днѣстръ словно одѣлся въ роскошную золотистую матерію. Спускаясь съ горы, къ нему подходили стада, наполняя окрестность довольно дикими голосами.